УДК 304.42

А. Г. Ваганов
руководитель Группы популяризации науки и техники
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия, andrewvag@gmail.com

УЧЕНЫЕ И ЖУРНАЛИСТЫ: ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация

В статье предложена модель коммуникации между учеными и журналистами. Показано, что каждая из этих социальных групп обладает существенно различными и весьма специфическими признаками самоидентификации. Причем эти признаки устойчиво воспроизводятся на протяжении всего периода существования новоевропейской науки. Этот факт позволил выделить в качестве основных параметров предлагаемой модели следующие группы причин, приводящие к нарушению нормальной коммуникации между научным сообществом и журналистами, – онтологические, методологические, технологические, психологические. В работе проводится подробный анализ каждой из этих групп. Сделан вывод о том, что происходит проекция устойчиво присутствующего в научном сообществе методологического решения о «правильном» мироустройстве («Тайный Научный Орден») на реально существующие структуры социума. Осознание объективности причин такой самоидентификации ученых может помочь во взаимодействии как самим ученым, так и журналистам, а, кроме того, специалистам и экспертам, формирующим государственную научно-техническую политику.

Приводится разработанная автором периодизация исторических форм популяризации науки. Отмечается, что научно-популярный жанр – это конкретно-исторический феномен. Он прошел несколько стадий в своем развитии и продолжает видоизменяться. Соответственно, на каждом этапе этого развития научная популяризация обладает достаточно специфическими чертами (признаками) и выполняет совершенно определенные функции в обществе. Учет этого феномена позволяет говорить, что в современной исторической ситуации научная новость рассматривается журналистами как часть развлекательного бизнеса. Цель научной популяризации – создать историю, которая может заинтриговать аудиторию. Принципиально по-другому относится к понятию «научная новость» ученый. Для него новости – это образовательные ценности. Ученые рассматривают журналистов, как студентов. Они читают лекции и хотят, чтобы их сообщения выглядели, как лекции, напечатанные в СМИ.

Ключевые слова

Научное сообщество, популяризация науки, научные журналисты, коммуникативный конфликт, социальная самоидентификация, иерархия, Фрэнсис Бэкон, Карл Поппер, Альберт Эйнштейн

A. G. Vaganov
Chief of the Popularization of Science and Technology Group,
S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of Russian Academy of Sciences (IHST RAS),
Moscow, the Russian Federation, andrewvag@gmail.com

SCIENTISTS AND JOURNALISTS: PROBLEMS OF COMMUNICATION

Abstract

The paper comes up with a model of communication between scientists and journalists. It shows that each of these social groups has widely different and very specific self identification features. Moreover, these features have been consistently reproduced throughout the entire period of modern European science. This fact allowed to identify as the basic parameters of the proposed model, the following groups of causes that lead to the disruption of communication between the scientific community and journalists: ontological, methodological, technological, psychological. The work provides a detailed analysis of each group. The conclusion is drawn that an engrained methodological implication of the “proper” world order (“Secret Science Society”) is apparently projected on the actually existing structure of society. The awareness of objectivity of the reasons of such self-identity can help in cooperation both to scientists and journalists, as well as to specialists and experts, which form state scientific and technical policy.

The article presents periodization of historical forms of popularizing science, developed by the author. It is noted that the popular science genre is a concrete historical phenomenon. It has passed several stages in its development, and continues to evolve. At each development stage the science popularization has quite specific characteristics (attributes), and performs quite certain functions in the society. Allowance for this phenomenon suggests that in contemporary historical situation scientific news is seen by journalists as part of the entertainment business. The purpose of science popularization is to create a story that can intrigue the audience. A scientist’s perception of the “science news” concept is fundamentally different. For him, the news is an educational value. Scientists consider journalists as students. They give lectures and want their posts look like lectures published in media.

Keywords

Scientific community, popularization of science, science journalists, communicative conflict, social identity, hierarchy, Francis Bacon, Karl Popper, Albert Einstein

Американский профессор Ли Нисбетт в 2001 г. заметил: «Журналисты, если с ними общаться, все переврут, а если не общаться, то денег на научные проекты не получишь» [1]. В этом, нарочито провокационном, заявлении точно схвачен тот – основной, на мой взгляд, – социальный феномен, определяющий проблему, вынесенную в заголовок этой статьи. Если радикально проблематизировать эту коллизию, а это необходимо делать, если мы хотим выявить существенные признаки того или иного явления, создать его адекватную модель, то можно отметить,

что речь идет о чрезвычайной, иногда – буквально по образу и подобию средневекового цеха (о чем – ниже), закрытости научного сообщества от влияний извне. Это проявляется не только в закрытости от общества, в интересах которого и на которое и работает научный журналист, но, порой, и в закрытости даже от прямого влияния властных структур государства.

В этом смысле характерно высказывание астрофизика, сотрудника Государственного астрономического института им. П. К. Штернберга МГУ им. М. В. Ломоносова Сергея Попова, которое он сделал на круглом столе по итогам интернет-конференции «Российская наука и СМИ». Попов, в частности, заявил: «Ученые и СМИ думают в разных категориях. Ученые идут от идеалов, от конкретной естественно-научной работы. Журналисты всегда находятся на грани опасности «раскрутки» далеко не самых интересных людей и идей. Ни о каком равенстве в общении ученого и СМИ в России и речи быть не может» [2].

Обозреватель авторитетного научно-популярного журнала *Scientific American* Джон Хорган (кстати, сам в прошлом физик) точно подметил: «Каждый писатель и журналист, пишущий о науке, время от времени сталкивается с людьми, которые искренне не хотят внимания от средств массовой информации, желая, чтобы их оставили в покое и не мешали выполнять свою работу. Ученые часто не понимают, что подобная черта делает их еще более соблазнительными» [3, с. 109].

Все это позволяет высказать предположение, что проблемы коммуникации между научным сообществом и журналистами можно отнести, хотя бы в первом приближении, к четырем группам: онтологические, методологические, технологические, психологические. Кратко рассмотрим каждый из этих проблемных блоков.

Тайна Научного Ордена

Выше я уже упомянул Международную интернет-конференцию «Российская наука и СМИ». По существу, результатом конференции стал некий стратиграфический срез состояния рассматриваемой нами проблемы. Одна из участниц дискуссии, научная сотрудница Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН Е. К. Комарова, заявила: «Общий информационный массив опубликованных в последние годы газетных материалов, посвященных науке, настолько велик и неадекватен реальным проблемам сегодняшней науки, что заставляет сделать следующее предположение: *за всем этим стоит вполне определенное стремление к созданию негативного имиджа науки, психологической фрагментации научного сообщества и дискредитации отдельно взятого ученого*» (курсив в цитате здесь и везде далее, если не указано другое, – мой. – *А. В.*) [4].

Сформулированная в этом отрывке модель, в общем-то, понятна и отнюдь не нова. Условно ее можно назвать – модель «Большого журналистского заговора против науки». В этой связи важно подчеркнуть

другое. В данном случае мы имеем дело не со случайным артефактом вырвавшегося наружу подсознательного. Перед нами – типичный способ социальной самоидентификации значительной части российских (и западных тоже) ученых.

Вслед за Умберто Эко повторим: модель – в смысле определенного хода рассуждений и методологического решения – «разрабатывается для того, чтобы указать общую форму в различных феноменах» [5, с. 11]. В нашем случае, факт существования в умах многих представителей научного сообщества модели «Большого журналистского заговора против науки» говорит всего лишь о том, что само это научное сообщество построено по принципу, весьма напоминающему структуру тайного средневекового Ордена. И этому можно найти весьма глубокое (архетипическое) объяснение.

В начале XVII в. английский философ и политический деятель Френсис Бэкон (1561–1626) в своей незаконченной утопии «Новая Атлантида» лишь закрепил идеал такой организации. В этом трактате описывается вымышленный остров Бенсалем. В жизни государства, расположенного на этом острове, исключительную роль играет так называемый Орден «Дом Соломона» – научная организация нового типа, образ которой во многом и вдохновлял организаторов Лондонского Королевского общества (основано в 1660 г.). «По Бэкону, научная организация должна занимать исключительное положение в стране, пользуясь полной государственной поддержкой и почестями 〈…〉 и оказывая непосредственное влияние почти на все сферы жизни. При всем том научное общество остается, фактически, никому не подконтрольным (в значительной степени даже государству 〈…〉) – тем более речь не идет ни о каком контроле со стороны общества» [6, с. 23–24]. И, действительно, Бэкон дает вполне определенную характеристику методам работы членов «Дома Соломона»: «И вот что еще мы делаем: на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые – нет 〈…〉. И, наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным» [7, с. 523].

Важно подчеркнуть одну принципиальную деталь – отличие «Научного Ордена» Ф. Бэкона от алхимических, например, сообществ: Бэкон «засекречивает» именно организационную структуру научных исследований, делает ее строго иерархической; но не способ добывания знаний. Здесь-то, как раз, все становится прозрачным: экспериментальная наука. Д. Л. Сапрыкин отмечает в связи с этим: «Научный Орден имеет весьма жесткое иерархическое устройство и носит достаточно замкнутый характер (Бэкон в «Новой Атлантиде» неоднократно говорит о наличии многообразных орденских секретов), этот характер подчеркивается, например, способом обнародования результатов работы Дома Соломона, а также общественным ритуалом» [6, с. 24].

Самое замечательное, что этот ритуал, зародыш которого мы можем найти еще у пифагорейцев[1], воспроизводился без сбоев. Так, например, в середине XIX в. немецкий естествоиспытатель Карл Фогт отмечал: «Большой цех ученых, которые, прежде всего, желают быть учеными и только после людьми, именно главным образом виноват в том, что наука не проникает в народ» [8, с. 3].

Тот же Д. Л. Сапрыкин пишет: «Отметим, что современная научная организация ранжируется именно по квазииерархическому принципу (она представляет собой секуляризованный аналог священнической иерархии). Наиболее резко это проступает в процедуре присвоения ученых степеней: доктора наук (занимающие, между прочим, *кафедры*) поставляют низшие *степени* и других докторов, так же как епископы поставляют друг друга и священников (это, конечно, не случайно, поскольку система научных степеней сформировалась в сугубо церковном средневековом университете 〈…〉. С другой стороны, этот квазииерархический принцип не совпадает с принципом эзотерического посвящения, поскольку, скажем, доктора не образуют внутри научного сообщества особого тайного общества» (курсив в оригинале) [6, с. 32–33].

Подтверждения того, что научное сообщество во многом развивается по модели, которую условно можно назвать «Тайный Научный Орден», постоянны и многочисленны. Бывший президент Российской академии наук Ю. С. Осипов, например, заявлял в 2006 г.: «Моя точка зрения: как только РАН станет излишне публичной организацией, она перестанет быть Академией наук» [9]. А еще через пять лет, в мае 2011 г., выступая на Общем собрании РАН, президент РАН Ю.С. Осипов сказал: «Я категорически против вывешивания справок 〈о научных работах претендентов в академики и члены-корреспонденты〉 в Интернете, поскольку мы не общественная организация, а профессиональная. Хватит играть в интернет-игры!». (Заметим, что в опубликованном официальном отчете мысль Ю. С. Осипова была передана с другими акцентами: «Я согласен, каждый голосующий член Общего собрания вправе ознакомиться с документами кандидатов. Но у меня возникает сомнение относительно того, что личная информация о человеке может быть размещена в Интернете» [10, с. 913]).

В декабре 2015 г. академик В. А. Рубаков подчеркивал: «В России наоборот: информация о самых интересных результатах не выходит дальше научного сообщества. В голове ученых нет установки, что об открытии надо рассказать еще и широкой публике. Это, конечно, неправильно» [11]. Замените в этой цитате «Россия» на «Бенсалем» – и мы получим, фактически, парафраз из «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона.

---

[1] «Множество мифов о странных ритуалах, совершавшихся членами братства, и немногочисленность надежных сведений об их математических достижениях – следствие той доведенной до предела таинственности, которой окружали себя пифагорейцы» (*Саймон С.* Великая теорема Ферма / Пер. с англ. Ю. Данилов. М.: Изд-во МЦНМО, 2000. 288 с.).

Итак, можно говорить, что происходит как бы проекция устойчиво присутствующего в научном сообществе методологического решения о «правильном» мироустройстве («Тайный Научный Орден») на реально существующие структуры социума.

Научная этика и этика научного журналиста

Между тем, социум и сам обладает вполне приличным набором методологий на все случаи жизни, в том числе на случай взаимодействия с научным сообществом. Возможно, заметнее всего последствия этого «методологического конфликта» проявляются в этическом отношении ученых и журналистов к научной новости.

Прежде всего, подчеркнем, что научно-популярный жанр (то есть то, чем и занимаются журналисты, пишущие о науке) – это конкретно-исторический феномен. Он прошел несколько стадий в своем развитии и продолжает видоизменяться. Соответственно, на каждом этапе (витке) этого развития научная популяризация обладает достаточно специфическими чертами (признаками) и выполняет совершенно определенные функции в обществе (см. табл. 1).

Таблица 1. Исторические формы научно-популярного жанра

Историческая форма научно-популярного жанра	Временной период	Исторический контекст	Функции научной популяризации в обществе
«Народная наука», *Popular Science*	XVII – нач. XVIII вв.	«Открытая наука»; Научная революция в Европе; рождение массового интереса к науке и научным знаниям	Развлечение публики; первоначальное просвещение
Пособия в помощь техническому любительству	1750–1850 гг.	«Промышленное просвещение»; классический этап промышленной революции в Европе; институализация науки	Учебно-прикладная; научные и технические знания для ремесла; снижение цены доступа к знаниям
«Занимательная наука»	Сер. XIX – сер. XX вв.	Третий этап промышленной революции; рождение феномена государственной научно-технической политики на фоне мировых войн	Просвещение и пропаганда научно-технических знаний; учебно-прикладная
«Научпоп», *Popular Science2.0*	Сер. XX – нач. XXI вв.	Нано-, био-, инфо-, когито-технологии; институализация инноваций; появление попнауки; глобализация	Часть развлекательного бизнеса; имиджевая

Научно-популярный жанр, родившись во времена искреннего, первозданного, бескорыстного интереса к науке, н выступает в виде «народной науки». Это – *Popular Science*, но без популяризации собственно науки. Некоторые современные исследователи даже рассматривают этот период научной революции XVII в. «как период, когда возникла “открытая наука”, знания о мире природы во все большей степени становились общедоступными, а широкая публика бесплатно знакомилась с научными достижениями и открытиями» [12, с. 56].

Затем начинается период «промышленного просвещения», и научно-популярный жанр мутирует в то, что А. Я. Черняк называет «пособия в помощь техническому любительству» [13, с. 23]. Сейчас эта терминология воспринимается не иначе как через призму легкой иронии (любимая этическая и стилистическая оптика в эпоху постмодерна), но в XVIII–XIX вв. именно это не дало «затухнуть» экономическому развитию в странах Запада, как это не раз случалось прежде.

Последняя треть XIX – середина XX вв.: во главу угла ставятся просветительская, образовательная и пропагандистская функции научно-популярного жанра. Рождается новый его извод – «занимательная наука».

Если во времена «открытой науки» и обслуживающей ее *Popular Science*, а затем и в период промышленного просвещения и «занимательной науки», в научно-популярном жанре искали научных знаний (коммуницировали по поводу науки как таковой), то в середине XX в. рождается новый формат научно-популярного жанра. Я его называю – *Popular Science 2.0*, или «научпоп». В эпоху «научпопа»коммуницируют уже не столько по поводу науки, сколько по поводу того, что когда-то было научным знанием. То есть, по поводу популярной интерпретации знаний. И, по своей природе, «научпоп» – это часть развлекательного бизнеса.

Другими словами, потребитель «научпопа» тоже получает знание, но это не научное знание. Научная новость в этой исторической ситуации – это просто часть развлекательного бизнеса. Читатель не ищет в популярных изданиях информацию, но ищет развлечений… Цель научно-популярных СМИ – создать историю, которая может захватить аудиторию.

Принципиально по-другому относится к понятию «научная новость» ученый. Для него новости – это образовательные ценности. Ученые рассматривают журналистов, как студентов. Они читают лекции и хотят, чтобы их сообщения выглядели, как лекции, напечатанные в СМИ. Вот, например, как Джон Хорган описывает подготовку своего интервью с Карлом Поппером в 1992 г. «Чтобы договориться об интервью с Поппером, я позвонил в Лондонскую школу экономики, где он преподавал с конца сороковых годов, – пишет Хорган. – Секретарь ответил мне, что Поппер обычно работает дома в Кенсингтоне, фешенебельном районе на юго-западе Лондона, и дал мне его телефон. Я позвонил, трубку сняла женщина с властным голосом с немецким акцентом – миссис Мью, домохозяйка и помощница “сэра Карла”. Перед тем как сэр Карл

встретится со мной, от меня требовалось прислать несколько образцов моих статей. Миссис Мью также предоставила мне список для чтения, который должен был подготовить меня к интервью: с десяток книг сэра Карла. В конце концов, после многочисленных факсов и телефонных звонков, она назначила мне день. Она также рассказала, как добраться до станции, где живет сэр Карл, на поезде. Когда я спросил ее, как добраться от станции до дома, миссис Мью заверила меня, что все таксисты знают, где живет сэр Карл. “Он знаменит”.

– К дому сэра Карла, пожалуйста, – сказал я таксисту, садясь в машину у станции “Кенсингтон”.

– Куда? – переспросил таксист» [3, с. 57].

Артефакты устной истории науки

Ситуация, описанная Джоном Хорганом, помимо всего прочего, вскрывает еще и технологический аспект в проблеме коммуникации ученых и журналистов. Ведь жанр интервью с ученым – это исторически едва ли не самая первая, в силу своей естественности, форма популяризации науки.

В последнюю четверть XX в. сложилось специальное направление историко-научных исследований – «устная история науки». «Уникальная особенность устной истории – это предоставленная исследователям возможность создавать тематически заданные документы, заполняющие лакуны в традиционном корпусе источников 〈…〉. Документы устной истории науки находят широкое применение в историко-научных исследованиях», – отмечает М. В. Мокрова [14, с. 3, 17].

Интервью, и особенно интервью ученого, – это тот случай, когда форма текста – диалог или полилог – влияет, а иногда и определяет, историографическую и источниковедческую ценность материала. Парадокс заключается в том, что транскрибированное с аудиовизуального носителя, – «расшифрованное», как говорят журналисты, – интервью, в строгом смысле слова уже нельзя считать устной историей. По-видимому, один из вариантов разрешения этого парадокса – авторизация «расшифрованного» интервью.

Это, так сказать, техническая сторона дела. Но в истории с устной историей науки существует и еще одна, более фундаментальная, как мне кажется, проблема.

10 июня 1933 г. в Оксфорде Альберт Эйнштейн начал свою Спенсеровскую лекцию такими словами: «Если вы хотите узнать у физиков-теоретиков что-нибудь о методах, которыми они пользуются, я советую вам твердо придерживаться следующего принципа: не слушайте, что они говорят, а лучше изучайте их работы» [15, с. 181].

Данное заявление немедленно опрокидывает, казалось бы, все доводы в пользу науковедческой и историко-научной ценности артефактов устной истории науки. Естественно, понимает это и Эйнштейн. И сам же разрешает это кажущееся противоречие: «Но по существу мое выступление

можно было бы оправдать тем, что каждому интересно знать, что думает о своей науке человек, который всю жизнь отдавал свои силы выяснению и улучшению основ науки. Его точка зрения на прошлое и настоящее своей области, пожалуй, очень сильно зависит от того, с чем он связывает надежды на будущее и что ставит своей целью в настоящем, но это – неизбежный удел всякого, кто интенсивно углубился в мир идей. То же самое происходит и с историком, который точно таким же образом, хотя, может быть, и неосознанно, группирует действительные события вокруг идеальных представлений о человеческом обществе, которые он сам создал для себя» [15, с. 181].

Есть еще одно обстоятельство и технологического, и этического свойства, о котором невозможно не упомянуть. М. В. Мокрова пишет: «Одна из проблем, не имеющая однозначного решения, – определение авторства. Одни специалисты убеждены, что интервьюер, направляя ход беседы, не изменяет содержание повествования, а значит, информация, содержащаяся в интервью, определяется лицом, чей голос записан на пленку, и в малой степени (только в количественных, но не качественных параметрах) зависит от лица, осуществившего процесс записи. Другие уверены, что личность адресата-реципиента информации порой кардинально изменяет и направленность, и “содержание рождающегося Текста” и предлагают считать текст, изложенный респондентом, его интеллектуальной собственностью, а авторские права на запись признать принадлежащей интервьюеру» [14, с. 21].

Мой личный опыт интервьюирования ученых подсказывает, что каждый текст, рождавшийся в результате таких бесед, надо рассматривать конкретно. Обстоятельств, которые при этом необходимо учитывать, довольно много: заинтересованность/незаинтересованность собеседника в беседе; предварительное согласование/несогласование темы и вопросов интервью; договоренность о необходимости визирования транскрибированного текста или отсутствие таковой; вопросы текущей научной/бюрократической конъюнктуры и приоритета; личная симпатия/антипатия собеседников... И это далеко не полный перечень.

Полюса психической нормы

Наконец, говоря о коммуникации между учеными и журналистами, нельзя не отметить и важный психологический аспект этой проблемы. Тут мы можем сослаться на работу крупного советского генетика В. П. Эфроимсона «Генетика этики и эстетики» [16]. Прежде всего, Эфроимсон констатирует, что «…то, что есть связи, притом неожиданные, между некоторыми психическими, гормонально-биохимическими особенностями личности, в частности, генетически обусловленными, сейчас уже нельзя отрицать». В этом исследовании В. П. Эфроимсон вводит так называемую шкалу психической нормы.

В контексте рассматриваемой нами проблемы любопытно посмотреть, какие психические типы он располагает на полюсах этой шкалы.

Шизоиды: «замкнутые в себе (интравертированные), слабо контактные, абстрактно мыслящие люди, слабо и неадекватно реагирующие на внешние события, но живущие очень богатой внутренней жизнью. Замкнутость и отрешенность являются их уязвимым местом, они нередко порождают их неудачи; зато особая способность к концентрированному сосредоточенному мышлению нет-нет да выдвигает из их рядов таких творцов, как *Иммануил Кант, крупных математиков, физиков, поэтов*».

На другом полюсе располагаются циклоиды: очень подвижные, общительные, контактные, жизнерадостные, отзывчивые экстраверты, деятельные, непоседливые и неустойчивые, легко переходящие от веселья к унынию, от энергичной деятельности к пассивности, склонные не к абстрактному, а к конкретному мышлению. «Циклоид – общителен; человеколюбив, реалистичен и легко приспособляется к окружающему...»; это – «*…купцы, ораторы, журналисты*». Для них характерны «неутомимая работоспособность, темперамент, находчивость, порыв, смелость, обходительность, беспристрастие, способность быстро схватывать конъюнктуру».

То есть, две эти социальные группы – ученые и журналисты – находятся на разных полюсах психологической нормы. При этом им постоянно приходится взаимодействовать друг с другом – «крупным математикам» с «купцами»; «физикам» и «поэтам» – с «ораторами» и «журналистами». Отсюда легко понять, какие искры, порой, высекаются из этого взаимодействия.

Еще раз подчеркнем: определения «шизоид» и «циклоид» не имеют никакой негативной коннотации; все это – полюса психической нормы. Тем не менее, анализ, который провел В. П. Эфроимсон на основе сугубо генетического скрининга, подтверждается и самонаблюдениями ученых: «Наука может быть охарактеризована как *параноидальное мышление*, примененное к природе» (Карл Саган); «Научное мышление можно охарактеризовать как *институализированное параноидальное мышление*» (Б. Эйдюсон); «Наука – это профессия, где *некоторые формы паранойи…* содействуют достижению успеха» (А. Махони) [17, с. 53].

Для сравнения приведем авторефлексивную характеристику психотипа научного журналиста. Ее дал известный отечественный научный журналист и писатель К. Е. Левитин. Он пишет: «Ибо моя профессия требует умений собирать информацию – открытую и секретную, устную и письменную, официальную и граничащую с околонаучными сплетнями. Научный журналист должен уметь надевать различные личины, чтобы получить доступ в лаборатории и на конференции, а еще важнее – в души ученых. И он должен любить людей, чьи секреты собирается узнать, иначе ему никогда не проникнуть в их психологию, намерения, настроения, страсти, предпочтения. Все это редкие качества, характерные для разведчика, лазутчика, шпиона» [18, с. 80, 81].

* * *

Понятно, что научный журналист, как часть социума, имеет дело с носителями весьма специфической модели социального устройства, которая формировалась и самовоспроизводится вот уже более двух тысячелетий. И хотя это, действительно, внушает трепет, но профессиональный журналистский инстинкт, зачастую, оказывается еще более могучей силой.

Очевидно, что предложенная модель коммуникации между научным сообществом и журналистами не исчерпывается только предложенными в статье четырьмя параметрами – онтологическим, методологическим, технологическим, психологическим. (Можно, например, говорить о социально-экономическом факторе во взаимоотношениях ученых и журналистов).

Однако, как представляется, дальнейшее уточнение параметров модели уводит в частности. Наша цель была – показать ситуацию коммуникативного конфликта ученых и журналистов как бы с высоты птичьего полета. Это может оказаться полезным не только для непосредственных акторов, в этой коммуникации задействованных, но и для «третьей силы» – властных структур, формирующих государственную научно-техническую политику. Ведь практически во всех документах последнего времени, в которых формулируются различные аспекты этой политики, достаточно серьезное внимание уделено и популяризации науки. Можно даже говорить, что произошел государственный поворот в сторону популяризации науки. (Это, впрочем, тема для отдельного подробного исследования.) Однако без учета вышеизложенных особенностей коммуникации между учеными и журналистами, этот поворот может, в лучшем случае, лишь завести в тупик.

Литература

1. Академия наук объяснила распад СССР и теракты в США. URL: http://www.alhimik.ru/News/arhivenews/n-net11.html (дата обращения: 15.12.2015).
2. Российская наука и СМИ. Международная интернет-конференция, проходившая 5 ноября – 23 декабря 2003 на портале www.adenauer.ru: Сб. ст. / Под общ. ред. Ю. Ю. Черного, К. Н. Костюка. М., 2004. 448 с.
3. *Хорган Дж*. Конец науки: взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Пер. с англ. М. Жуковой. СПб.: Амфора, 2001. 479 с.
4. *Комарова Е. К*. Роль российской периодики в формировании общественного отношения к отечественной науке // URL: http://www.adenauer.ru/report.php?id=160&lang=2 (дата обращения: 15.12.2015).
5. *Эко У*. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. А. Шурбелева. СПб.: Академический проект, 2004. 384 с.

6. *Сапрыкин Д. Л.* Regnum Hominis (Имперский проект Френсиса Бэкона). М.: Индрик, 2001. 224 с.
7. *Бэкон Ф*. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Новая Атлантида. М.: Мысль, 1972. 582 с.
8. *Фогт К*. Зоологические очерки или Старое и новое из жизни людей и животных / Пер. под ред. В. Ковалевского. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1864. 363 с.
9. Президент РАН Ю. С. Осипов, 2006 г. URL: http://www.poisknews.ru/index.php?newsid=199 (дата обращения: 12.06.2006).
10. Дневник Общего собрания Российской академии наук. Заключительное слово Президента РАН академика Ю. С. Осипова // Вестник Российской академии наук. Т. 81. № 10. 2011. С. 912–914.
11. *Рубаков В*. Российские ученые не умеют рассказывать про свои открытия. 16.12.2015 // URL: http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=dce28e45-e36f-4923-ab5a-18835613603e&print=1 (дата обращения: 18.12.2015).
12. *Мокир Дж.* Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 408 с.
13. *Черняк А. Я.* История технической книги. М.: Книга, 1981. 317 с.
14. *Мокрова М. В.* Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: Наука, 2004. 30 с.
15. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов. Т. IV: Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики. М.: Наука, 1967. 599 с.
16. *Эфроимсон В. П*. Генетика этики и эстетики. М.: Тайдекс Ко, 2004. 304 с.
17. *Юревич А. В*. Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 352 с.
18. *Левитин К. Е.* Научная журналистика как составная часть знаний и умений любого ученого // Экология и жизнь. 2012. 304 с.

References

1. SIGIDA, A. (2001) The Academy of Sciences provided explanation to the collapse of the USSR and terrorist attacks in USA. Available from: http://www.alhimik.ru/News/arhivenews/n-net11.html [Accessed: 15th December 2015].
2. CHERNEGO, Yu., KOSTYUKA, K. (eds) (2004) Russian science and mass media. Proceedings of International Internet-conference on www.adenauer.ru web-site.
3. HORGAN, J. (2001) *The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age*. SPb.: Amfora. P. 479.
4. KOMAROVA, Ye. (2003) *The role of the Russian periodicals in shaping public attitudes towards domestic science.* Available from: http://www.adenauer.ru/report.php?id=160&lang=2 [Accessed: 15th December 2015].

5. ECO, U. (2004) *The open work: form and uncertainty in the modern poetry*. SPb.: Academic Project. P. 384.
6. SAPRYKIN, D. *Regnum Hominis (Imperial project of Francis Bacon)*. M.: Indrik. 224 p.
7. BACON, F. (1972) Essays in two volumes. Vol. 2. M.: Mysl'. P. 582.
8. VOGT, K. (1864) *The zoological essays or old and new from the Life of Animals and Men.* SPb.: Printing house O. I. Baksta.
9. OSIPOV, Yu. (ed) (2011) Available from: http://www.poisknews.ru/index.php?newsid=199 [Accessed: 12th June 2006]
10. OSIPOV, Yu. (ed) (2011) The diary of general meeting in the RAS. Closing speech of academician of science Osipova Yu. S. Vol. 81. M.: Nauka.
11. MOROZOVA, N. (2015) V. Rubakov: "The Russian scientists are not able to talk about their discoveries". Newslab.ru. 16th December. P. 1. Available from: http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=dce28e45-e36f-4923-ab5a-18835613603e&print=1 [Accessed: 18th December 2015].
12. MOKYR, J. (2012) *The Gifts of Athena: Historical originals of the Knowledge Economy*. M.: Gaidar University. P. 408.
13. CHERNYAK, A. (1981) *The history of engineering book*. M.: Book. P. 317.
14. MOKROVA, M. (2004) *The verbal history of science: from the historiographical traditions to complex study of sources*. PhD thesis, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of RAS. P. 30.
15. EINSTEIN, A. (1967) The collected scientific works. Vol. IV. M.: Science. P. 599.
16. EFROIMSON, V. (2004) *The genetics of ethics and aesthetics*. M.: Taydeks Ko. P. 304.
17. YUREVICH, A. (2001) *The social psychology of science*. SPb.: RKhGI. P. 352.
18. LEVITIN, K. (2012) *The scientific journalism as a part of the knowledge and skills any scientists.* Ecology and life. P. 304.